№ 15. 7-ое АПРѢЛЯ 1878 ГОДА. ГОДЪ XX.

Подписка на журналъ продолжается.

Шампанское. Вы зачѣмъ, сиволапыя, сюда лѣзете? Развѣ здѣсь ваше мѣсто?

Очищенное. Ты что носъ-то поднимаешь? Аль оттого, что вздорожала? Мы поважнѣй тебя: черезъ меня, напримѣръ, люди другъ друга и грабятъ, и убиваютъ.

ЧАСТЛИВЧИКЪ

КЛАССИЧЕСКАЯ ОПЕРА ВЪ ДВУХЪ АКТАХЪ.

Либретто—Ферта Херова, музыка—Безофена, декорацiи—Щербакова, прически — Пироне, обувь — Сильвана, освѣщеніе—чирака, потемки — Газоваго Общества, аксессуарныя вещи—съ Толкучки, вставные зубы Берки-Мейера.

(*Для постановки на сцену требуется согласіе автора, антрепренеровъ, артистовъ и публики*).

(*Окончаніе*).

Дѣйствующіе:

Безталановъ, молодой человѣкъ.
Мери, погибшее, но милое созданье.
Опекунъ.
Адвокатъ.
Банкиръ.
Докторъ.
1-й, 2-й, 3-й, 4-й, — пріятели Безталанова.
Семенъ, слуга Безталанова.

АКТЪ ВТОРОЙ.

Декорація та-же.

(*Безталановъ сидитъ на диванѣ, голова его завязана, одна рука на перевязи, одна нога на костылѣ*).

Безталановъ. Семенъ!
Семенъ. Что угодно?
Безталановъ. Что тебѣ сказалъ докторъ?
Семенъ. Сказалъ, что пріѣдетъ.
Безталановъ. Что же онъ не ѣдетъ?
Семенъ. А я почемъ знаю. (*Звонокъ*) Вотъ должно быть пріѣхалъ.
Безталановъ. Бѣги же скорѣй!
Семенъ. Ну, иду вѣдь. (*Входитъ докторъ*).

Докторъ.

Ви зваль мина, што ви катите,
Зашемъ у васъ пріѣду я?

Безтала...ъ.

Любезный доктор... ...те,
Отъ боли очен...

Мина ве...
Для м...
Лѣ...
Р...

Безталановъ.

О, докторъ! стражду я отъ боли,
Порукой будетъ честь моя,
Назначить плату въ вашей волѣ,
Не поскуплюсь, повѣрьте, я.

Докторъ.

Нну.... двадцать пять....

Безталановъ.

Согласенъ дать,
Лишь только помогите.

Докторъ.

Теперь завсэмъ я могъ начать—
Гдѣ боль ви ощутите?

Безталановъ. (*Музыка «Черная шаль»*).

О докторъ! я въ гробъ, мнѣ сдается, гляжу,
Сейчасъ по порядку вамъ все разскажу.
Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Родителю рокъ умереть присудилъ,
Болѣлъ онъ недолго, сироткой я сталъ,
Но мнѣ онъ оставилъ большой капиталъ.
Но скоро богатству пришолъ карачунъ,
Мое состоянье прибралъ опекунъ,
Имѣнье въ провинціи онъ на бѣду
Отмѣннымъ манеромъ въ залогъ далъ жиду.
Узнать, какъ все было спѣша отъ жида,
Я съ поѣздомъ первымъ помчался туда.
Спасти состоянье свое я хотѣлъ,
Но съ насыпи поѣздъ нежданно слетѣлъ.
Развязка конечно была недолга:
Разбиты макушка, рука и нога.

Докторъ.

Уфсе для насъ страдать
Съ порядкомъ ихъ проклятымъ,
Вамъ будетъ прописать
Я Aguam dectillatam.
Хотя на рубль заразъ. (*Пишетъ рецептъ*).
Пошлите ви за нею
И боль гдѣ, тамъ чичасъ,
Примачивайте ею.
Опасность не грозитъ,
Ужо къ вамъ заверну я.

Безталановъ.

И вновь вамъ за визитъ
Готовить четвертную?

Докторъ. О да, да, да, конешно...
Безталановъ (*подавая деньги, въ сторону*).
Совсѣмъ безчеловѣчно!
(*Докторъ беретъ деньги и уходитъ*).

Безталановъ. (*Музыка изъ «Материнскаго благословенія»*).

Деньги послѣднія мнѣ за лѣченіе
Нынче пришлося отдать,
И оказалось, мое вамъ почтеніе—
Не съ чѣмъ въ аптеку послать!
О! хорошо поступилъ я навѣрное,
Деньги банкиру отдалъ,

А безъ того дѣло вышло бы скверное,—
Былъ бы великій скандалъ.
Изъ силача, изъ субъекта имущаго,
Сталъ я разбитъ, разоренъ;
Нужно тысченку со счета текущаго
Взять поскорѣй. Эй! Семенъ!

Семенъ. Что угодно?

Безталановъ *(подавая квитанцію)*. Вотъ сходи въ банкирскую контору и по этой квитанціи получи тамъ тысячу рублей.

Семенъ. Слушай. (*Уходитъ. Входитъ Адвокатъ*).

Безталановъ

Хоть боленъ я, увы!
Но радъ вамъ черезмѣрно,
Вѣдь съ вѣстью доброй вы
Явилися навѣрно?

Адвокатъ.

Я не творю чудесъ,
Хоть будь большая плата,
Скажу вамъ, вашъ процессъ
Проигранъ безъ возврата.

Безталановъ.

Проигранъ! Такъ вы воръ,
Впередъ вы деньги взяли!...

Адвокатъ.

Со мною разговоръ
Потише весть нельзя ли!...

Безталановъ.

Возврата денегъ ждать
Могу я съ васъ—увѣренъ?

Адвокатъ.

Нѣтъ, деньги вамъ отдать
Я вовсе не намѣренъ.

Безталановъ.

Въ столицѣ грабить—смѣхъ,
Не здѣсь вѣдь, сударь, лѣсъ-то...

Адвокатъ.

Законъ у насъ у всѣхъ:
«Положь объ это мѣсто...»

(*Безталановъ опускаетъ голову, а Адвокатъ поднимаетъ*).

Адвокатъ. (*Музыка изъ Периколлы: «Мы три сестрицы»*).

Мы адвокаты всѣмъ вамъ служимъ,
Лишь изъ-за денегъ дѣла ведемъ.
Въ кабинетъ нашъ просимъ покорно,
Тамъ отъ кліентовъ задатокъ ждемъ.

Извѣстенъ намъ
Всѣхъ тяжебъ ходъ
И здѣсь, и тамъ
Отъ нихъ доходъ!

Безталановъ.

Кліенты ваши, мы лишь тужимъ,
Скрѣпя сердца процессъ ведемъ,
Отвалимъ кушъ и всѣ покорно
Обманъ отъ вашей братьи ждемъ.

Извѣстенъ намъ
Вашъ обиходъ—
Вы льстивы тамъ,
Гдѣ есть доходъ!

(*Вмѣстѣ*).

Адвокатъ.

Не взялъ бы я, другой бы принялъ,
А не другой бы, третій взялъ,
И чрезъ недѣлю слово въ слово
Одно и тоже-бъ вамъ сказалъ.

Намъ тяжбы—вздоръ,
Ихъ знаемъ ходъ,
Кому раззоръ,
А намъ—доходъ.

— Имѣю честь кланяться. (*Уходитъ*).

Безталановъ. Каковъ! *(Входитъ Мери)*.

Безталановъ. (*Музыка изъ «Марты»*).

Ангелъ мой,
Неземной,
Я скажу,
Что сижу
Какъ шальной.
Разсуди,
Милый другъ,
Погляди,
Что вокругъ:
Я въ вагонъ—
Подъ мостъ онъ,
Вотъ прыть рельсовыхъ дорогъ!
Радъ, не радъ,
Мчалъ назадъ
Безъ затылка, рукъ и ногъ!
Тяжбу сдалъ,
Деньги далъ—
Адвокатъ искъ проигралъ!...
Счастье, счастье, гдѣ ты скрылось?
Бѣдъ моихъ итогъ растетъ,
Бездна страшная открылась,
Весь рессурсъ и весь разсчетъ,
Ахъ, одинъ текущій счетъ!...

Мери. (*Музыка изъ «Птичекъ пѣвчихъ»: письмо Периколлы»*).

Повѣрь, обладаетъ вѣдь силой
Текущаго счета итогъ,
Любить же до гроба, мой милый,
Я буду тебя и безъ ногъ.
Имѣешь по крайней ты мѣрѣ
Пять тысячъ и ты не бѣднякъ,
Тебя, вѣрь, по гробъ твоя Мери
Оставить не можетъ никакъ.

Безталановъ. Милая моя Мери! *(Входятъ пріятели)*.

Хоръ пріятелей.

Страдая о миломъ

Безталановъ. Врачемъ мнѣ дана лишь вода...

Хоръ. Бѣда!

Безталановъ. Процессъ адвокатъ проигралъ...

Хоръ. Скандалъ!

Безталановъ. Одинъ мнѣ текущій есть счетъ...

Хоръ. Разсчетъ! (*Входитъ Семенъ*).

Безталановъ. Ну, что?

Семенъ. Ничего.

Безталановъ. Какъ ничего?

Семенъ. Да такъ ничего—никакого тамъ ни текущаго, ни летучаго счета нѣту.

Безталановъ. Да ты гдѣ былъ-то?

Семенъ. Гдѣ былъ? извѣстно гдѣ—на улицѣ.

Безталановъ. Болванъ! на улицѣ! Я тебя въ контору послалъ, а не на улицу.

Семенъ. Знаю, что въ контору, да не пускаютъ туда, заперто.

Безталановъ. Днемъ-то заперто! Да ты бы банкира увидалъ.

Семенъ. Гдѣ его увидать-то?—нѣтъ его.

Безталановъ. Гдѣ же онъ?

Семенъ. Гдѣ, извѣстно гдѣ—сбѣжалъ...

Безталановъ. Сбѣжалъ!

Мери Сбѣжалъ!

Хоръ. Сбѣжалъ!

Безталановъ.

И вотъ одно послѣднее сказанье
И лѣтопись окончена моя:
Лишенъ на вѣкъ всего я состоянья,
Ноги, руки; но вы со мной, друзья!

(*Пріятели и Мери быстро уходятъ*).

Безталановъ. Что вижу я?
Увы! Увы!
Мои друзья!
Куда же вы?

Семенъ. Вотъ те и друзья, всѣ стрекача задали!

(*Занавѣсъ опускается*).

Ферть Херовъ.

№№ 1-й, 2-й, 5-й и 6-й.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Былъ вечеръ, мокрый, скучный, темный! Мы въ числѣ шести человѣкъ сидѣли у великаго кляузника Грекшина и попивали изъ графиновъ и стакановъ очищенную и разныя фряжскія вина. Стало будто веселѣй.

— Да, господа! незнаніе французскаго языка влечетъ за собою самыя печальныя послѣдствія даже въ отношеніи желудочныхъ отправленій. И это я испыталъ самъ на себѣ.

Сіе «пифическое» изреченіе высказалъ въ нашемъ присутствіи доморощенный полтавскій юристъ, или, какъ его называли юные шалопаи, «юристенъ-вальсъ», Яковъ Грекшинъ, человѣкъ вида самаго неприличнаго, за что когда-то и былъ выгнанъ изъ Земскаго суда, и хотя онъ былъ съ порядочной совѣстью, какъ говорилъ и самъ, но послѣдняя была страннаго характера. Между его понятіями о ней и понятіями постороннихъ была какая-то странная разладица, и многіе послѣдніе, вѣроятно по глупости, даже отрицали въ Грекшинѣ ея существованіе. Впрочемъ, жизнь его и дѣянія будутъ когда нибудь описаны мною и тогда читающій самъ пойметъ, что за птица былъ Грекшинъ и выведетъ свое заключеніе объ этомъ щекотливомъ предметѣ, иначе—о совѣсти нашего юриста.

— Да, господа! повторилъ онъ,—чрезъ незнаніе по французски я до сихъ поръ страдаю желудкомъ. Даже argentum nitricum въ пилюляхъ не помогаетъ.

Мы всѣ изумились и струсили—изъ насъ никто не говорилъ по французски. «Ну, подумали мы, а что если по этой причинѣ и мы получимъ разстройство, катарръ или даже ракъ въ желудкѣ, и все это чрезъ незнаніе французскаго языка. Вотъ тебѣ разъ!... Вздоръ болтаетъ Грекшинъ,—думали многіе изъ насъ,—что общаго между болѣзнями желудка и французскимъ языкомъ?» Но онъ смотрѣлъ и говорилъ серьезно. Мы попросили объясненія.

— Было это недавно и гдѣ это было, въ Москвѣ или Петербургѣ—не скажу, только въ одномъ французскомъ ресторанѣ; скажемъ, хотя бы у Яра...

Грекшинъ никогда не могъ объясняться безъ экивоковъ. Про него говорили, что онъ говоритъ *одно*, дѣлаетъ другое, думаетъ третье, предполагаетъ четвертое; а если пишетъ—то уже пятое. Не даромъ нашъ поэтъ Анаксамендровъ написалъ подъ его фотографическою карточкою:

Два разные смысла на каждый законъ
Со скоростью вихря подъищетъ вамъ онъ.

— И такъ, это было во французскомъ ресторанѣ,— продолжалъ Грекшинъ.—Но начну сначала. Когда меня выгнали изъ роднаго Земскаго суда, то мнѣ пришлось не то чтобы очень скверно, а будто неловко. Денегъ было немного и въ городѣ оставаться болѣе жить было нельзя. Тамъ возбуждали даже вопросъ и о моемъ дворянствѣ? И что, подумаешь, другимъ до меня за дѣло— дворянинъ ли я, или дворникъ? Что за дѣло, кто бы

какъ ни назывался? Называется и тѣмъ утѣшается? Вотъ дѣло другое, какъ тебя назовутъ? Недавно мнѣ письмо прислали и безъ подписи: «Подлецъ, пишетъ, мерзавецъ ты этакій!» Ну, тутъ уже оскорбленіе—чести касается? А то что?

— Сутяга! да говори, о чемъ началъ,—перебили мы.

— А о чемъ я началъ? спросилъ серьезно Грекшинъ.

— Ты началъ говорить о желудкѣ съ французскимъ языкомъ.—Сказали мы эту чушь и разсмѣялись.

— Погодите мало, птенцы юные! Начинаю, продолжаю и скоро кончаю. Уѣхалъ я изъ своей веси и града, вопія къ небу о возмездіи за мое невинное изгнаніе. И небо услышало мой вопль: на другой день казначей скрылся съ 50-ю тысячами, на третій пять купцовъ обанкротились, подавилась жена прокурора, у полиціймейстера захромалъ коренникъ, а на четвертый случился пожаръ и выгорѣло полгорода. Далѣе извѣстій не получалъ,—слышалъ только, что въ остальной половинѣ появилась повальная болѣзнь, а не то развился alcoholismus, почему тамъ для излѣченія и открыто вновь 1234 кабака; сколько же трактировъ, портерныхъ, ренсковыхъ,—не помню.

— Да ты будешь продолжать-то, или нѣтъ? заорали мы въ нетерпѣніи. Всѣхъ мучилъ вопросъ: что общаго у желудка съ французскимъ языкомъ?

— Я уже говорилъ, что продолжаю, отвѣчалъ невозмутимо Грекшинъ.—И такъ, правосудное небо наказало городъ и обывателей за обиду мнѣ причиненную—и я доѣхалъ до Волги, хотя съ тоскою на сердцѣ, но благополучно. Въ Саратовѣ ли, или Казани, а можетъ быть и въ Костромѣ, очень легко, что и въ Рыбинскѣ,—я засунулъ себя въ пароходъ Общества Самолетъ, т. е. взялъ мѣсто на пароходѣ и мѣсто 1-го класса,—знай, значитъ, нашихъ! Не люблю я, братцы мои, ѣздить въ третьихъ классахъ! Иногда и денегъ въ обрѣзъ, «жевать» приходится съ умѣренностью, но все-таки ѣду въ 1-мъ классѣ. Знаете: знакомство можно завести приличное и выгодное, дѣльце получить хорошее; ну, и удобства тоже! И такъ, я поѣхалъ на пароходѣ Общества Самолетъ въ 1-мъ классѣ по рѣкѣ Волгѣ, которую Великій Петръ называлъ артеріею Россіи, а разбойники да бурлаки прозвали матушкою... а... а...

— Господи! да начнешь ли ты о желудкѣ-то?

— Французскій языкъ-то къ чему?

— Погодите, братцы, до Волги добрался! На пароходѣ ѣдетъ! Ну, значитъ, скоро! говори мы, себя утѣшая.

— И такъ, я поѣхалъ. Осматриваюсь: сидятъ какія-то приличныя дамы—молодыя и красивыя. Ну, это не по нашей части. Меня родители, дай имъ Боже царствіе небесное! такимъ сотворили, что женщины смотрятъ на меня, какъ чортъ на ладонъ, или собака на палку. Слѣдовательно, нужно еще пристальнѣе осмотрѣться. Заговорилъ было съ какимъ-то офицеромъ, такъ и самъ не радъ: привелъ меня въ буфетъ, самъ выпилъ 11 рюмокъ да мнѣ поднесъ три, а на другой день съ меня за нихъ деньги вычли, онъ слѣзъ дорогой на какой-то пристани. Да еще, съ-пьяну-то, бить меня хотѣлъ: «рожа, говоритъ, у тебя мерзопакостная». Сѣдалищемъ сатаны мое лицо назвалъ! Такой разбойникъ! И нѣтъ стрѣлы небесной на этого злодѣя?!

— Убирайся къ чорту и съ офицеромъ! Чеши безъ подробностей!

— Ну-съ, присмотрѣвшись, я легъ спать, предварительно помолившись; заснулъ не то чтобы спокойно,—на новомъ мѣстѣ, знаете. Но ничего! Проснулся, умылся, Богу помолился и чаю напился. Тутъ съ меня и вычли за водку, которую вчера офицеръ выпилъ, тотъ самый, что драться-то лѣзъ и лицо мое рожей мерзопакостной называлъ. Оглядѣлся и вижу новое лицо—пріятное такое, не то полное, не то нѣтъ. Глаза плутоватые, манеры скромныя, не то что у того офицера-пьяницы, и одѣтъ прилично. Посмотрѣли мы другъ на друга и почувствовали влеченіе взаимное. Разговоръ сначала не клеился. Новый знакомый незнакомецъ отвѣчалъ мнѣ лѣниво, сначала смущеннымъ тономъ, и робко поглядывалъ на мою кокарду; но я, знаете, пустилъ въ ходъ всю свою любезность, показалъ свое знаніе свѣта вообще и Земскаго суда въ особенности, очаровалъ его, и разговоръ между нами лился живой струею. Сначала, разумѣется, тары-бары, а потомъ дошли и до дѣла—отрекомендовались.

— Да гдѣ же тутъ желудокъ французскаго языка? повторяли многіе съ нетерпѣніемъ.

— Желудокъ французскій послѣ, отрѣзалъ Грекшинъ.—Отрекомондовались и, значитъ, познакомились. Онъ сказалъ, что ихъ зовутъ Иваномъ Абросимовичемъ Сукшинымъ, что они купецъ, что у нихъ недавно умерли тятенька и оставили имъ съ ихъ братцемъ большой капиталъ-съ, что тятенька ихъ торговали щетиной, заячиной, разной овчиной и «желѣзнымъ гвоздемъ». Что тятенька ихъ были очень строги-съ и имъ, Ивану Абросимычу, воли не давали ни на волосъ. И что теперь они полный хозяинъ и запретить имъ что нибудь никто не посмѣетъ-съ! А прежде отъ тиранства тятеньки они даже хотѣли бѣжать съ какимъ-то Прокопіемъ (ужь не съ юродивымъ ли? подумалъ я тогда) на Аѳонъ, гдѣ пропекался ихъ дальній родственникъ-съ, и хотѣли принять иночество. Такъ говоримъ мы по любезному и говоримъ долго; но какъ всему на свѣтѣ есть конецъ, ergo и нашему разговору тоже; то мы, кончивъ умныя рѣчи, засѣли въ преферансъ втроемъ. Третья была во-

..рвыхъ дама, во-вторыхъ домовладѣлица, какъ она заявила намъ съ благородной гордостію, въ-третьихъ старуха, въ-четвертыхъ дура, и у ней былъ старый лакей, лѣтъ семидесяти. Сама набилась: какъ увидала карты, такъ и заюлила: «очень, дескать, скучно! Нельзя ли съ вами поразвлечься? Я хотя плохо играю и по маленькой, но могу составить компанію», и такъ далѣе. Дѣлать нечего—приняли хрычовку. Уговорились по четверти копейки и начали игру. Богъ свидѣтель, что, служивши въ малыхъ чинахъ въ Земскомъ судѣ, преимущественно на посылкахъ за колбасою, водкою и табакомъ, я не терпѣлъ такихъ мукъ, какія вытерпѣлъ, играя съ этой старой, болтливой выжигою! Вотъ забылъ, какъ ея фамилія. Такъ вотъ и вертится, а забылъ.

— Къ дѣлу, къ дѣлу! закричали мы хоромъ.

— «Дѣлу время, а потѣхѣ часъ», сказалъ когда-то царь Алексѣй Михайловичъ,—и вамъ не дурно бы помнить это изреченіе, тѣмъ болѣе, что вы всѣ бездѣльники! прогнусилъ Яковъ Грекшинъ.—Кончу бездѣлье, примусь и за дѣло!... Играемъ мы это втроемъ. Барыня, вижу, «фаля безсмертная»: подберетъ карты и кричитъ изъ каюты своему лакею, или дворецкому: «Егорычъ! Егорычъ! Поди сюда!»—«Сейчасъ, матушка Марфа Спиридоновна!» И старый хрычъ несется изъ другой каюты. «Что тебѣ нужно, Марфа Спиридоновна?» — «Скажи пожалуйста, Иванъ Егорычъ, къ чему мнѣ покупать?»—«Къ трефамъ, матушка Марфа Спиридоновна».—«Что ты мелешь, старый! у меня трефъ только четыре,—я лучше къ червямъ куплю».—«Да вѣдь черви-то у тебя маленькія, отъ крали, а трефы-то вишь какія?»—«Ну, ты, я вижу, ничего не смыслишь! Убирайся!» Егорычъ моментально исчезалъ въ буфетъ—«погребъ», какъ онъ выражался. Бородавчатая старуха прикупала, звала Егорыча, совѣтовалась съ нимъ, что сбросить. Все это вслухъ, и проигрывала; да и трудно было не проиграть, потому что сама разскажетъ Егорычу при насъ всю свою игру (Егорычъ призывался на совѣтъ безпрестанно), и что же вы думаете? Послѣ каждой проигранной игры схватитъ карты и бѣжитъ съ ними въ другія каюты, даже на палубу, разсказывать, какую она проиграла игру. Мученіе было съ этой бородавкой! Называю ее такъ потому, что она была вся усѣяна бородавками.

— Яковъ Авсѣичъ! да гдѣ же тутъ языкъ и желудокъ? Пощади, доканчивай! умоляли мы.

— Погодите, сначала доскажу объ уродѣ. И уродъ имѣетъ языкъ и желудокъ, какъ же вы этого не поймете? Вѣдь тутъ общее. Баба эта оказалась воплощенной кіевской вѣдьмой—бросила въ Егорыча (который, къ нашему изумленію, оказался ея законнымъ супругомъ) тарелкой съ яблоками и сильно повредила ему носъ. Отъ него же я узналъ и ея исторію: Егорычъ былъ когда-то хорошимъ поваромъ, она судомойкой въ барскомъ домѣ. У Егорыча были накопленныя деньги; у ней кромѣ бородаковъ да верхняго платья никакого имущества не имѣлось. Егорычъ былъ пьяница; она (только тайно) «не пролей капельки». Вотъ они и сошлись, поженились; Егорычъ выстроилъ домишко на трудовыя деньги и записалъ на ея имя. И вотъ, она сдѣлала изъ него дворника, сослала на кухню, не дала и не даетъ ему ни гроша, да еще безсовѣстно отбираетъ у него заработанныя имъ деньги (онъ и теперь зарабатываетъ порядочно, и можетъ жить одинъ), не даетъ ему даже на косушку; сама же не отказываетъ себѣ ни въ чемъ. Егорыча, хотя и бьетъ, но не выгоняетъ, потому что боится, какъ бы онъ не попросилъ произвести слѣдствіе о покупкѣ дома, ибо десяти лѣтъ, т. е. давности, не прошло. Но послѣ этого стараго дурака разумѣется прогонитъ, и Марфа Спиридоновна заживетъ припѣваючи, а Егорычъ умретъ гдѣ нибудь подъ заборомъ. Изъ всего этого, дѣти, вы можете вывести разумное заключеніе и выводъ, что имущество на жену переписывать не слѣдуетъ.

— Ѣхали мы, братики, такимъ образомъ около двухъ дней и съ Иваномъ Абросимовичемъ не разставались ни на минуту. Тутъ же онъ предложилъ мнѣ быть его повѣреннымъ. Ну, разумѣется, я возрадовался, и согласился сразу. Малость выпили по этому случаю. Пріѣхали въ Москву... то бишь въ Минскъ, или Могилевъ, и я зажилъ на славу. Денегъ—не клюютъ куры. Дѣла пошли хорошія. Тутъ я, желая передать свое честное имя, сохранившее всю чернильную непорочность Земскаго суда...

— Э! это, братъ, ты у Щедрина укралъ! перебилъ Гавріилъ Поляковъ, прочитавшій болѣе 100 тысячъ томовъ, а по этому прозванный ходячимъ лексикономъ. Гавріилъ былъ добрый малый, хотя и находился всегда въ подпитіи; память у него была огромная, но смѣкалки Богъ не далъ.

— Ну, укралъ, такъ укралъ, замѣтилъ хладнокровно Грекшинъ,—развѣ можно сказать что нибудь новое, которое не было бы когда либо и кѣмъ нибудь сказано, написано, или напечатано? Всѣ мы воруемъ! А ты еще перебиваешь меня, наливочное животное!? (Гавріилъ любилъ наливки). И такъ, я пожелалъ имѣть потомство,—говорилъ Грекшинъ, выпивая 13-й стаканъ.

— Что же твое потомство,—имѣло языкъ и боль въ желудкѣ что ли? спросилъ ядовитый фармазонъ Комаровскій, производящій себя отъ какихъ-то «Грабе».

— Желаю прилипнуть твоему языку, и обѣщаю котлетку на кротоновомъ маслѣ для твоего желудка! Началъ слушать, такъ дослушивай!—И такъ я женился... Ну,

до этого обстоятельства моей жизни вамъ нѣтъ дѣла, и я вамъ ничего не скажу, повторю только, что всякій изъ васъ согласился бы дать себя отпороть, чтобы быть только день на моемъ мѣстѣ. Жена у меня была, что называется, «суперфлю-деликатесъ». Такъ-то! Дѣлъ у Ивана Абросимовича Скушина было мало, лучше сказать, было только одно: оно заключалось въ спорѣ съ другомъ богачемъ Капраленковымъ, «кто изъ нихъ православный христіанинъ?» Доказать этотъ фактъ юридически, было трудно для обѣихъ сторонъ: соперники были старообрядцы и, разумѣется, не имѣли метрическихъ выписокъ; но я кончилъ примиреніемъ и получилъ за это чистоганомъ пять тысячъ рублей.

— Да гдѣ же тутъ французскій языкъ съ болью въ желудкѣ? говори поскорѣй, иначе мы расходимся, настаивали мы, теряя терпѣніе.

— Прихожу къ языку и желудку. Въ самомъ дѣлѣ, пора и спать. Въ нашемъ городѣ, гдѣ мы жили съ Скушинымъ, появилась женщина, звѣзда первой величины. Нѣкоторыя изъ близорукихъ принимали ее за комету и находили, что хвостъ ея платья длиннѣе хвоста кометы Карла V на два аршина съ четвертью. Ухаживалъ ли мой патронъ за нею, или нѣтъ, — положительно, доложить я вамъ не могу-съ, но она ему, кажется, сильно нравилась, и я могу принять въ этомъ присягу на жидовскомъ Талмудѣ, въ синагогѣ, — слѣдовательно: вы должны въ этомъ мнѣ вѣрить на слово. Барыня была охотница до пикниковъ, катаній на Ечкинскихъ тройкахъ, маскарадовъ и роскошныхъ обѣдовъ въ модныхъ ресторанахъ; о любви къ нарядамъ, деньгамъ и тому подобное, я не говорю; кто же этого не любитъ? одинъ только «братецъ» изъ «Орды» не любитъ денегъ и соглашается получать за уроки сколько дадутъ. Ну, уже онъ извѣстный агнецъ и безсребренникъ, и мѣсто ему не межъ вами, людьми жадными и алчными. Разъ барынька попросила Ивана Абросимовича покатать ее на тройкѣ за городомъ. И я, унижая свою юридическую репутацію, поплелся за тройкой, взявъ впрочемъ съ барыни рубль на извощика, ибо жалѣть ее было нечего, дѣлъ у ней не было, кромѣ споровъ по счетамъ изъ магазиновъ, гдѣ она всегда была отвѣтчицею, а жалованья съ нея я не получалъ. И такъ, взявъ карбованецъ, я скоро пріѣхалъ на тройкѣ съ знаменитымъ ямщикомъ Савельемъ... Давай, други, допьемъ это зелье, — оборвалъ Грекшинъ. Допили и разсказъ продолжался. — Боялась ли чего барынька, или просто захотѣлось поломаться, только она не соглашалась безъ меня ѣхать. Дѣлать нечего, залѣзъ я въ сани и мы поскакали за заставу. Проѣхали нѣсколько разъ по шоссе, страшно перезябли и заѣхали во французскій ресторанъ.

— А! ресторанъ французскій! Скоро, значитъ, будетъ языкъ и желудокъ! завопили мы хоромъ. Надежда и ожиданіе оправдывались.

— Да-съ, языкъ и желудокъ. Выпивши у буфета водки, мой патронъ занялъ отдѣльную комнату и потребовалъ прейсъ-курантъ. Вообразите: карта была напечатана на французскомъ языкѣ. Вотъ, смотритъ мой благодѣтель на карту, и такъ, и сякъ перевернетъ, — ничего не понимаетъ; а сознаться въ незнаніи французскаго языка передъ дамой, такъ сказать, дамой сердца — совѣстно! И вотъ, благословясь, на авось положась, мой патронъ обращается къ гарсону и говоритъ: «Гарсонъ! Шествуй, говоритъ, братецъ, на куфню, и принеси намъ 1-й №, 2-й №, 5-й и 6-й № по оной картѣ, и три бутылки шампанскаго». Гарсонъ вытаращилъ глаза и переспросилъ. «Я сказалъ тебѣ, чтобы ты принесъ 1-й, 2-й, 5-й и 6-й №№. Запомнилъ? И три бутылки шампанскаго. Ступай! Allons!» сказалъ онъ уже по французски. И что же вы думаете? Принесли намъ сначала ветчину, затѣмъ поросенка заливнаго, далѣе галантиръ изъ дичи и наконецъ окрошку! Нужно было ѣсть! Нельзя же выдать друга, и я началъ увѣрять барыньку, что, молъ, Иванъ Абросимычъ преимущественно любитъ холодныя блюда. Дама удивлялась странному вкусу своего обожателя, и хотя поѣла довольно плотно, а выпила еще плотнѣе, все-таки попросила чего нибудь горячаго. Патронъ приказалъ уже по-русски подать разварную стерлядь и жареныхъ рябчиковъ. Все это принесли вскорѣ. Намъ запѣли цыгане и мы было совсѣмъ развеселились; но вдругъ Сукшинъ сразу выпилъ двѣ рюмки «мятной» и стаканище краснаго «портвейну», началъ блѣднѣть, ёрзать на стулѣ, смотрѣть съ ненавистью на поросенка и окрошку и, сильно поблѣднѣвъ, быстро вышелъ изъ комнаты. Примѣръ его заразилъ и «звѣзду»: и она тоже поблѣднѣла и тоже вышла въ другую дверь, поговоривъ прежде о чемъ-то съ старой цыганкой. Та тоже вышла за нею. Я чувствовалъ себя неловко, — и, не учась, получилъ моментально даръ чревовѣщанія, — я тоже выбѣжалъ... Ну, а какъ мы ѣхали, какъ мы вылѣзали безпрестанно по одному, а не вмѣстѣ, изъ саней, желая пройтиться; какъ доѣхали, какъ гнали ямщика, — до всего этого вамъ нѣтъ дѣла. Только послѣ этого катанья я не могу поправиться желудкомъ до сихъ поръ, не смотря на пилюли изъ argenti nitrici. Помните это и прощайте.

Такъ закончилъ Грекшинъ, и мы разошлись въ мирѣ и тихо.

А. Вакоринъ.

БЕСѢДА ГЛАСНАГО СЪ НЕГЛАСНЫМЪ

Гласный Иванъ Ѳаддеевичъ съ негласнымъ Иваномъ Андреевичемъ засѣдаютъ опять у Лопашева за чайкомъ.

— Товарищи на меня сердятся, говоритъ Иванъ Ѳаддеичъ,—зачѣмъ я соръ изъ избы выношу, и это все ты виноватъ, что слова мои напечатаны.

— А ты имъ вотъ что скажи,—отвѣтилъ Иванъ Андреичъ,—что если изъ избы сора не выносить, такъ его столько накопится, что и в избу войти нельзя будетъ, а если они хотятъ, чтобъ сору не выносили изъ ихъ избы, такъ имъ надо поменьше сорить, особенно городскими доходаии, и не распоряжаться ими какъ своимъ сундукомъ, потому что городскіе-то доходы даютъ не все люди богатые, а больше народъ небогатый, что трудомъ живетъ. Вотъ вы на скверы да на бульвары сто тысячъ истратили, а что нужнѣе всего для Москвы, бойни, все еще устроить не можете. Смѣшно сказать: у города въ семь сотъ тысячъ жителей порядочной бойни нѣтъ, бьютъ скотъ гдѣ обухомъ, гдѣ молотомъ, какъ еще было при Калитѣ; ночлежныхъ домовъ тоже нѣтъ. Ахъ, вы печальники народные!

— Погоди, погоди, до всего чередъ дойдетъ, все будетъ,—отвѣчаетъ Иванъ Ѳаддеевичъ,—дай съ дѣлами поуправиться. Видишь, эпидемія какъ снѣгъ на голову упала, теперь объ этомъ позаботиться надо.

— А какъ бы не эпидемія, такъ вы бы и не догадались. Пора бы вамъ насчетъ канализаціи-то проснуться, а то посмотри-ка, на что у обывателей дворы похожи; 22 тысячи домовъ въ Москвѣ, а едва ли пять тысячъ въ чистотѣ содержатся, а на остальных дворахъ и ямъ-то нѣтъ. Вотъ читалъ ты, въ Петербургѣ Дума сдѣлала постановленіе, что близкія къ городу кладбища закрывать постепенно; а у насъ не только что объ этомъ не думаютъ, а еще прибавляютъ кладбищъ въ самомъ городѣ. Вотъ давно ли кладбище при Покровской Общинѣ разрѣшили? грунтъ тутъ весь въ ключахъ, такъ что вода изъ могилъ чрезъ ограду на улицу течетъ прямо къ Покровскому мосту, а тутъ бани у моста, ну и мойся могильной водой. Вотъ теперь у Алексѣевскаго монастыря кладбище скоро до Сокольницкой Слободки прибавится, тоже кругомъ жилье, а Покровское кладбище у Покровскаго монастыря въ самомъ жильѣ, у Андроньева монастыря тоже, у Донскаго, у Новоспасскаго, у Даниловскаго монастырей тоже. За какую заставу въ Москвѣ ни выйдешь, два да три кладбища, да двѣ да три валки нечистотъ. Москва ими точно бастіонами обложена. Пора бы объ этомъ Думѣ подумать, а если все откладывать будете, такъ пожалуй и чумы дождетесь.

— Что ты, что ты! Типунъ тебѣ на языкъ! Вотъ сколько лѣтъ на свѣтѣ живу, а мнѣ и въ голову не приходило, что Москва-то точно чумнымъ кольцомъ обвита кладбищами, да валками, да бойнями. Правда твоя, давно бы объ этомъ надо подумать.

— Да, давно пора; хоть бы вновь-то не разрѣшали, а то вонъ Покровской Общинѣ разрѣшили: съ одной стороны дѣтская больница, съ другой Мѣщанская богадѣльня, съ третьей бараки лѣтомъ, военное училище стоитъ, съ четвертой бани, а посрединѣ кладбище. Поди, поищи гдѣ еще, кромѣ Москвы, такого порядка. Что это я слышалъ, Иванъ Ѳаддеичъ, вы при Думѣ хотите еще новый расходъ дѣлать, своего думскаго доктора заводить?

— Да, Иванъ Андреичъ, хотимъ,—торговая полиція проситъ, чтобы съ своимъ докторомъ осмотры дѣлать, а то сами-то они ничего въ медицинѣ и химіи не понимаютъ, а частныхъ-то медиковъ не дозовешься.

— А что, Иванъ Ѳаддеичъ, у медиковъ частныхъ начальство есть?

— Разумѣется есть.

— Ну, такъ оно имъ время найдетъ: ему только надо пожаловаться. Частные медики насчетъ города содержатся и жалованье отъ города получаютъ, и отопленіе, и освѣщеніе, и квартиры, такъ они время должны находить; находятъ же время они для своихъ удовольствій; а это бы лишнее было своего доктора Думѣ заводить, пожалуй тысячи двѣ жалованья надо дать да разъѣздныхъ.

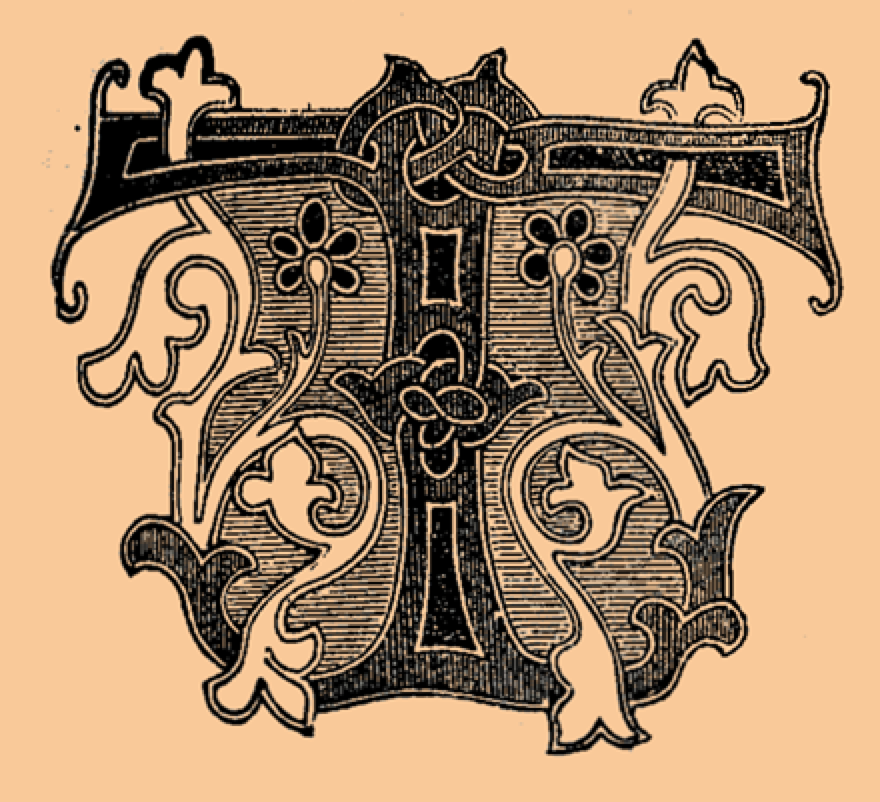
— Ну, говорятъ, Иванъ Андреичъ, не двѣ, а три тысячи надо дать жалованья, да 1200 руб. на разъѣзды. Многонько-то многонько, да что дѣлать?

— Хорошо бы, если бы эти деньги на пользу пошли, Иванъ Ѳаддеичъ, чтобы докторъ все въ руки взялъ, а то у насъ и отъ оспы мрутъ, и отъ тифа мрутъ, и отравляются—то рыбой, то кондитерскимъ печеньемъ, то червивой солониной, то колбасами; просто Москва стала точно долиной смерти, точно въ ней черная смерть гнѣздо свила. Надо бы ее подтянуть, больно ослабѣла по всѣмъ частямъ, по всѣмъ членамъ: члены-то бы ей надо укрѣпить, а которыхъ такъ и совсѣмъ новыми замѣнить.

— Хорошо бы твоими устами медъ пить, да не сбудется. Однако прощай, другъ.

— Прощай, Иванъ Ѳаддеичъ; а какъ насчетъ сору-то?

— Мети, мети, а то пожалуй такъ скопится, что послѣ и не прометешь.

ЕЛЕГРАММЫ

перехваченныя и обязательно доставленныя въ редакцію «Развлеченія» господиномъ Ха! ха! ха!

МОСКОВСКІЙ ЗООЛОГИЧЕСКІЙ САДЪ. Говѣемъ, такъ какъ г. Рябининъ отказался давать намъ корму, для того, чтобы пріучить насъ, бѣдныхъ звѣрей, къ тому, чтобы мы... ничего не ѣли.

—

БОЛЬШАЯ НИКИТСКАЯ. Занимаемся въ настоящее время рѣшеніемъ весьма щекотливаго вопроса: «какъ отличать хорошіе кислые щи отъ испортившихся, *не раскупоривая* бутылки», —заданнаго намъ однимъ лавочникомъ, который не принимаетъ отъ своихъ покупателей обратно бутылки съ кислыми щами, оказавшимися тухлыми, основываясь на томъ, что бутылки уже *раскупорены* покупателями.

—

ЗЕРКАЛЬНЫЙ РЯДЪ. У насъ съ наступленіемъ весны образовались холодныя ду́ши. Теперь они, слава Богу, отъ лучей солнца высохли; но съ наступленіемъ дождя вновь ждемъ ихъ появленія, если не будутъ приняты мѣры къ исправленію крыши. Настроеніе у насъ самое воинственное: нѣкоторые торговцы (ожидая вѣроятно нашествія кредиторовъ) забаррикадировали рядъ ящиками и тюками, которые проходящіе рвутъ себѣ платье. Изъ болѣзней пока свирѣпствуетъ только чахотка.... карманная.

—

ХАПИЛОВСКАЯ УЛИЦА. Спасите—погибаемъ!! Отъ зловонія, распространяемаго огородами, по улицѣ пройти нельзя, предварительно не зажавши носа. Пришлите ждановской жидкости бочекъ 15, карболовой кислоты 10,—ну, еще чего нибудь,—только поскорѣе!

Бесѣды мичмана Жевакина съ публикой

Норовитость Москвы. — Весна.—Словечко торговой полиціи.— Довольство прислугой.—Право Москвы на премію.—Нѣчто такъ себѣ объ акціонерныхъ обществахъ. · Мой совѣтъ учредителямъ.

Что городъ—то норовъ, говоритъ русская пословица. Про Москву хотя и говорятъ, что она «большая деревня», но это только говорятъ. Загляните въ любую географію и вы увидите, что Москва мало того, что городъ—столица. Если же спросите инаго москвича, то онъ вамъ сообщитъ еще, что Москва столица не простая, а бѣлокаменная и что она—сердце Россіи. Норовъ-то конечно и высказывается «въ сердцахъ», слѣдовательно Москва на норовъ имѣетъ болѣе правъ, нежели другіе города. И нужно ей отдать справедливость—норовиста, сердечная! Если уже упрется на чемъ нибудь, какъ напримѣръ, на перестройкѣ рядовъ—кончено; ни взадъ, ни впередъ, ни въ бокъ, ни въ сторону. Москвичи мало того, что привыкли къ норовитости своего родимаго города, но и усвоили себѣ эту норовитость.

Москва конечно вѣдь столица,
У ней во всемъ столичный махъ,
Москва столицамъ всѣмъ сестрица,
Что мы докажемъ... на словахъ.

Купецъ московскій какъ шикаретъ,
Что за увѣренность въ очахъ!
Какъ слогъ его высокопаренъ—
Онъ европеецъ... на словахъ.

Юристъ московскій всѣмъ доступенъ,
Съ нимъ вора не смущаетъ страхъ,
Онъ такъ любезенъ, неподкупенъ
И такъ пріятенъ... на словахъ.

Въ московскихъ банкахъ очень стройно
Порядокъ водится въ дѣлахъ,
И сердце вкладчика спокойно,
Что банки вѣрны... на словахъ.

День каждый здѣсь собранья въ Думѣ,
У гласныхъ силы тьма въ рѣчахъ,

Движенья сколько въ этомъ шумѣ
И сколько прыти... на словахъ.

Мы, москвичи, должны сознаться
Съ улыбкой гордой на устахъ,
Что въ чемъ угодно подвизаться
Умѣемъ лихо... на словахъ.

Мнѣ могутъ замѣтить, что я норовъ, присущій всѣмъ градамъ и весямъ Руси необъятной, приписываю одной Москвѣ. Согласенъ и вмѣстѣ считаю нужнымъ сказать, что Москва—это старшая сестра городовъ россійскихъ. Она подаетъ имъ примѣръ, и если все подобное находится у нихъ, то не иначе, какъ заимствованное у нашей старушки Москвы. Но оставимъ ея нравственную сторону и перейдемъ къ наружной обстановкѣ. Наступила весна, коснемся же того, каковъ норовъ Москвы «весной многоводной». Весной Москва брюзглива, надоѣдлива и съ большимъ душкомъ. Весною Москва сердита и пока не пуститъ пыли въ глаза, способна уморить многихъ даже и не со смѣху. Наступленіе настоящей весны ожидалось москвичами со страхомъ и трепетомъ. Всѣ боялись, что эпидеміи, завезенныя изъ другихъ мѣстъ, купно съ эпидеміями доморощенными, начнутъ отправленіе своихъ... жертвъ въ елисейскія. Къ счастію случилось иначе, и этому «*иначе*» Москва обязана исключительно заботливости г-на оберъ-полиціймейстера Н. У. Арапова. Его, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, настоятельные приказы, его строгія взысканія и частые объѣзды сдѣлали то, что въ эту дѣйствительно трудную весну Москва въ теченіи нѣсколькихъ дней была очищена, выхолена и приглажена и явилась на свѣтъ божій, не стыдясь и не краснѣя за себя. Въ этомъ случаѣ мы передаемъ не одно только наше мнѣніе, и можемъ смѣло и справедливо сказать, что въ настоящую весну энергія и заботливость генерала Арапова спасла много жертвъ. На сей разъ Москва можетъ гордиться: ее заставила энергія одного человѣка побѣдить свой норовъ, отдѣлываться отъ весеннихъ хлябей однимъ только лѣтнимъ солнышкомъ.

Слава Богу, все обошлось насколько возможно благополучно и если бы московская торговая полиція повѣрила мнѣ, что грязные мальчишки, ходящіе по Москвѣ съ лотками и кричащіе: «свѣжая рыба», лгутъ, было бы еще лучше.

Клянуся тухлою селедкой,
Клянусь подкрашенной икрой,
Клянусь разбавленною водкой,
И полокъ грязною корой,
Клянусь поддѣльными чаями,
Клянуся яблокомъ гнилымъ,
Охотнорядскими скотами,
Клянусь обвѣсомъ удалымъ,
Клянусь негодными грибами,
Бѣлугой, поселившей трусъ,
Клянусь Филиппова клопами (*),
Овощной лавкою клянусь

въ томъ, что эти грязные маленькіе торгаши допродаютъ оставшуюся въ лавкахъ испортившуюся, потекшую и негодную къ употребленію рыбу. Право, Москва ничего бы не потеряла, если бы торговая полиція половину негодной провизіи изъяла изъ продажи. Эмиль Золя написалъ романъ «Брюхо Парижа»; что если бы у насъ явился свой романистъ подобнаго стиля и написалъ романъ «Брюхо Москвы»? Но, читатель, можетъ быть, фельетонъ мой попалъ вамъ въ руки во время обѣда, такъ я уже погожу развивать эту тему. Да наконецъ худаго, безусловно худаго, ничего нѣтъ на свѣтѣ, а недовольными мы являемся отъ того, что человѣкъ доволенъ никогда не бываетъ. Мы жалуемся на продаваемую у насъ дурную провизію, странная щепетильность! Ѣдятъ же калмыки испортившееся мясо и ѣдятъ съ удовольствіемъ, чѣмъ же мы хуже калмыковъ?

Мало ли чѣмъ можно быть недовольнымъ. У насъ, напримѣръ, отовсюду слышится ропотъ на прислугу. Ропотъ совершенно неосновательный и трудно понять, откуда онъ происходитъ. На прислугу жалуются всюду, не только въ Россіи, но и за границей, даже одна американская газета, если не ошибаюсь, кажется «New Iork Herold», свое сѣтованіе на прислугу закончила заявленіемъ, что редакція предлагаетъ огромную премію тому городу, который похвастается своею прислугою. Не знаю ничего относительно другихъ городовъ, но Москва своею прислугою похвалиться можетъ и на полученіе преміи имѣетъ полное право. Чтобы не говорить много, редакція «Развлеченія» для развлеченія предлагаетъ премію тому москвичу, который въ теченіи послѣдняго десятилѣтія хотя на пяти паспортахъ прочелъ неодобрительные аттестаты. Думаемъ, что претендентовъ на премію не найдется. Если это такъ, если Москвою выданы всей прислугѣ одобрительные аттестаты, слѣдовательно прислуга въ Москвѣ хороша и премія американской газеты можетъ быть Москвою получена.

Можетъ быть, только многіе изъ москвичей пишутъ одно, а думаютъ другое... Но что же надъ этимъ задумываться. Вѣдь пишутъ же, что акціонеры получаютъ дивидендъ, а они получаютъ носъ. Носъ и дивидендъ кажется мнѣ—разница, а вѣдь члены правленій, не смотря на это, не отказываются не только отъ жалованья, но даже и отъ наградъ.

(*) Извѣстно всей Москвѣ, что г. Филипповъ славится больше тараканами, и г. Жевакинъ упомянулъ о клопахъ, какъ видно, только для риѳмы.

Примѣчаніе наборщика.

...ніи отвѣчали совѣтомъ «ждать»... А что касается насѣкомыхъ, то «обязанность врача принять мѣры къ уничтоженію ихъ»!!

Вопросъ: отчего земство на должность старшаго доктора не пригласило истребителя насѣкомыхъ г-на Лебедева? Это было бы болѣе цѣлесообразно.

О, несчастное самоуправленіе, поѣдаемое насѣкомыми!...

Закончить позвольте опять-таки Саратовомъ.

Здѣсь постоянно замѣчается комическое qui pro quo во всемъ, и я не предвижу, когда такое положеніе вещей измѣнится. Судите сами (я привожу только нѣсколько особенно выдающихся примѣровъ):

Санитарное общество занимается въ Саратовѣ преніями о дамскихъ панталонахъ.

Газета «Дневникъ», какъ рьяный санитаръ, копается во всяческихъ нечистотахъ.

Коммисія *народныхъ* чтеній не дала ни одного чтенія *для народа.*

«*Саратовскій* Листокъ» разсуждаетъ, большею частію, объ иностранныхъ государствахъ.

Коммерческое собраніе обсуждаетъ степень нравственныхъ качествъ дамъ, посѣщающихъ этотъ клубъ, и колеблется: признать ли доброкачественными тѣхъ барынь, которыхъ вводятъ члены, или это качество оставить только за вводимыми гг. старшинами?...

Ссудо-сберегательное товарищество напрасно жаждетъ капиталовъ для сбереженія и не находитъ денегъ для ссудъ, равно какъ и членовъ-товарищей.

Общество прикащиковъ дебютируетъ избраніемъ въ свою среду сотрудника «Дневника» г-на Горизонтова, который торговлей, вѣроятно (?), не занимается.

Книжный магазинъ Костякова продаетъ обои, бордюры и багеты.

Нотаріусъ Шлейеръ продаетъ книги.

«Приволжскій книжный магазинъ продаетъ фотографическія карточки.

Докторъ Нерода издаетъ газету («Дневникъ»).

Г. Березинскій, Розенталь и иные лѣчатъ православныхъ христіанъ.

И т. д., и т. д., и т. д.

Не удивительно ли все это, о, читатель?!...

Пустозвонъ.

КАЛУЖСКІЕ НАБРОСКИ

Какой развеселый, какой безшабашный народъ—калужане!... Подумаешь, смерть на носу, а они и въ усъ себѣ не дуютъ! Столичныя и провинціяльныя газеты съ ужасомъ привѣтствуютъ наступающее время года—весну, безъ сомнѣнія, несущую, по ихъ рѣчамъ, въ числѣ обыкновенныхъ даровъ своихъ, тифъ оспу и т. п. необычайныя повальныя «болѣсти»,—изъ силъ выбиваются, рекомендуя мѣры къ предупрежденію грядущихъ эпидемій, а Калуга себѣ, знай, посмѣивается надъ всею этою литературною передрягою, да еще—мало того!—какъ нарочно, въ пику трусливой прессѣ, практикуетъ такое смѣлое презрѣніе къ причинамъ человѣческой неестественной смертности, что, я увѣренъ, у некалужанина, при чтеніи одного повѣствованія объ этомъ, на головѣ волосъ станетъ дыбомъ...

Время теперь, какъ извѣстно, предпраздничное. Калуга заранѣе прихорашивается, разумѣется внѣшне и насколько позволяетъ ея вкусъ... Такъ, въ видахъ желательной просухи улицъ къ вожделѣннымъ «свѣтлымъ» днямъ, каждый домохозяинъ добровольно счищаетъ на мостовой предъ своими хоромами уличную грязь въ кучи...

И вотъ по городу тамъ и сямъ, какъ-бы волшебствомъ какимъ, начинаютъ выростать цѣлыя пирамиды навоза, который, подъ вліяніемъ теплыхъ лучей весенняго солнца, прѣетъ, испуская дымчатые клубы невыразимыхъ міазмовъ... Картина!... Мало этого, въ полдень дымящіяся навозныя кучи ворошатъ еще лопатами, дабы ускорить просушку ихъ... «Благораствореніе воздуховъ» страшное! Вы, читатель, содрогаетесь за насъ?—Напрасно изволите безпокоиться...

Мы живемъ безъ страха, смѣло,
Съ удовольствіемъ чихаемъ,
И при этомъ то и дѣло—
«Будьте здравы!»—восклицаемъ...

Но это еще цвѣточки, а вотъ и ягодки!...

Наша рѣка Ока такъ бурлитъ и дуется, какъ то было, по сказанію здѣшнихъ старожиловъ, въ 1849 году, и при этомъ такъ мутна, какъ въ 1878 году политика Англіи, по этому Окская вода и неподступна для пользованія и отвратительна по своимъ внутреннимъ свойствамъ... Равно грязны и тухлы колодцы наши, хотя мы ими и богаты... Что же мы пьемъ?

А вотъ что....

— Воды, воды! выкрикиваютъ обыкновенно по утрамъ водовозы, разъѣзжая по нашему богоспасаемому граду съ бочками воды.

— Окская, чай, вода-то? освѣдомляются на крикъ выбѣгающія изъ домовъ кухарки.

— Нѣтъ, нѣтъ, красавицы! отвѣчаютъ наперерывъ водовозы: съ погоста, свѣженькая, что твоя слезка!...

Замѣтьте, читатель: вода съ погоста, съ городскаго кладбища!... Это, видите-ли, тамъ, подлѣ могилъ, есть довольно значительная лужа, которая рѣдко, рѣдко пересыхаетъ и въ жаркое лѣто, а весной, обильно наводняемая стоками съ могильныхъ насыпей, представляетъ неисчерпаемый резервуаръ влаги самаго подозрительнаго свойства.

Тѣмъ не менѣе, прислушайтесь, какъ заигрываютъ съ эдакой водой кухарки, осаждающія съ ведрами водовозовъ...

— Почемъ ведро вода-то? спрашиваетъ одна изъ нихъ.

— Копейка, копейка!

— А сколько въ ведрѣ-то «болѣстей» будетъ?

— Сколько зацѣплю...

— На счастье, милая, на счастье! замѣчаетъ шутливо другая...

— Получай! заключаетъ водовозъ:—съ самыми, то-есть, «лихими»....

Всѣ хохочутъ....

Фру-фру.

АЛЬБОМЪ „РАЗВЛЕЧЕНІЯ“.

Акростихи.

ЖУРНАЛУ «СТРЕКОЗА».

Сознаюсь—выпучишь глаза,—
Творится странное со свѣтомъ:—
Ругаться стала «Стрекоза!»
Едва ли толкъ какой есть въ этомъ.
Конечно, можно поунять
Однимъ лишь средствомъ, всѣмъ знакомымъ:—
За надоѣдность отогнать,
А спорить можно-ль съ насѣкомымъ?

Вшкв.

—

Признаніе рисовальщика.

Было время, добывалъ я
Очень много на картинахъ:
Голыхъ грацій рисовалъ я
Для жеребчиковъ мышиныхъ;
А сбывалъ я ихъ искусно
На попойкахъ въ ресторанѣ.
Отъ торговли этой гнусной,
Вѣрьте, не былъ я въ изъянѣ.

Кузнечикъ.

Шпейеру.

Внимая о тебѣ вѣстямъ,
Тебя и общество, и власти,
Ища въ столицѣ по частямъ,
Готовы разорвать на части.

Ландау.

Тебя хранили здѣсь, но самъ,
Ты сознаешься безъ сомнѣнья
Въ томъ, что цѣлѣе будешь тамъ,
Куда умчался отъ храненья.

Вкладчикамъ Лури.

Скажите, чѣмъ онъ васъ поддѣлъ?
Хоть вы бранить его и рады,—
Его и вашъ одинъ удѣлъ:
Онъ лопнулъ отъ упадка дѣлъ,
Вамъ можно лопнуть отъ досады.

Кетти Кингъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Редакторъ-Издатель Ѳ. Б. Миллеръ.

Дозволено цензурой. Москва 5-го Апрѣля 1878 года.

Москва. Типографія Ѳ. Б. Миллера (Яуз. ч. 1 кв. № 82).